

Илья
КЦЛЕВ

ОГНЕННЫЙ АВВАКУМ

1.

Вот и всё, протопоп...
 Остаётся сказать: «Вот и всё...»
 Крепок сруб и смолён,
 берестой и соломой обложен.
 В страхе замер народ.
 Кто-то факелы спешно несёт.
 Никуда не сбежишь –
 караул вынул сабли из ножен.
 Пустозёрский острог
 многолюден неделей Страстной.
 Всех согнали смотреть,
 как сгорит непокорный Аввакум.
 «Нелегко умирать
 (вон как вдруг напахнуло весной!)...
 Только веры святой вам не сжечь,
 кровожадным собакам!»
 «Дай мне, Господи, сил
 испытания перетерпеть!
 Я к тебе возношу
 ослабевшие в немощи руки.
 Я приму её стойко,
 горящую пламенем смерть!
 Ради веры снесу
 даже самые страшные муки!»
 «Жизнь не мёдом была –
 а поганой полынью на вкус.
 Тело от кандалов
 в ужасающих язвах и шрамах.

Сколько раз погибал –
 но хранил меня Святый Иисус.
 Хоть страдала душа,
 да не ведала ереси срама».
 «Это Никон, стервец, –
 он попрал Патриарший престол,
 Полуграмотный пёс,
 испоганил святые заветы.
 Ввёл кресты латиняи
 вместо осьмиконечных крестов.
 Нету веры ему!
 И прощения вечного нету!»
 «Сотворить это зло –
 как по храму пройтись нагишом.
 Он – Антихрист во всём!
 Он – огромен, стозевен и лайя.
 Это он повелел
 всем креститься срамным кукишом,
 В этом вся его суть –
 не святая, неправая, злая!»
 «Люто время, а он –
 всех времён кровожадных лютей.
 Самых верных друзей
 посылал на великие муки.
 Патриарший престол
 воздвигал
 из смертей и костей.
 И к церквам протянул
 сатанинские
 алчные руки».

«Где теперь он? Подох,
как поганый, ободранный пёс.
Сам изгнанья хлебнул
неизбывную, полною мерой.
И недаром Господь
чашей щедрой злодея обнёс.
Проклят будь, еретик,
посягнувший на чистую веру!»

2.

Погоди, протопоп!
Перед тем, как взойти на костёр,
Ты покайся, что сам
в измышленьях лукавил неправо,
И что длани свои
ты над Русью святою простёр,
И взалкавших поил
окаянной словесной отравой.

И покайся в грехе,
что надменности сущей служа,
От бессильных обид
и от злобы великой сгорая,
Вместе с Никоном вы
запалили великий пожар
По огромной Руси,
широченной от края до края.

Помнишь, с Никоном вас
как достойных людей приласкал
Государев духовник,
мудрейший Стефан Вонифатьев.
Вы ж явили собой
неприятя
волчий оскал.

Нет страшнее вражды,
если ссорятся ближние братья.

Где дерутся за власть –
милосердьё уже не в чести.
Кто зывал жечь огнём
павших вдруг в «еретическом блюде»?
А уж если дано
за собою народ повести,
Надо думать о том,
что затем неизбежное будет.

Может, жаждали вы:
аллилуйю для вас пропоют.
Только проку с неё
для обоих не так уж и много:
Кто до неба хоть раз
возвеличил гордыню свою,
Тот как жалкий слепец
навсегда отвернулся от Бога!

Ты, Аввакум, скажи,
только честно, как есть, на духу,
Разве книги доньне
не правил никто на соборах?
Так какого рожна
оба стали нести чепуху,
Словно истина есть
в оскорбленьях и долгих раздорах?!

Никого никогда
невозможно вернуть в старину.
Но и чушь латинян
навязать нам
не в чьей-либо власти.
Вы же с Никоном враз
раскололи большую страну,
Православный народ
разодрали на многие части.

В чём же правда, ответь,
коли только в сложеньи перстов,
Так ведь в книгах о том
толкования нет никакого.
Там описан во всём
искупительный подвиг Христов,
Остальное – всего лишь
плоды измышленья людского.

3.

А врагам у Руси
несть числа, ты и сам посмотри:
То поляки попрут,
то татары взалкают, то шведы.
Только внешних врагов
всех страшнее – враги изнутри.
И от этих врагов –
наши самые главные беды.

На Руси испокон
 существуют три страшных беды,
 Разъедают страну
 три извечных
 поганых напасти,
 В волчьей сути своей,
 в ярой алчности выгод и мзды –
 Воровство, кумовство
 и ещё вседозволенность власти.

Если выхода нет
 из убожества и нищеты,
 Если радости вместо –
 беда по хребту коромыслом,
 То народ восстаёт,
 и тогда полыхают бунты.
 Да в итоге от них
 ни подмоги, ни пользы, ни смысла.

Как похмелье придёт
 после ухарских дней удалых –
 Вдосталь всем батогов
 молодецких,
 с отяжкой, с размаху.

Для кого-то – острог,
 и кому-то навек – кандалы,
 А кого – под топор
 к палачу на широкую плаху.

От Христовых времён
 не стихает война за умы.
 Но любая война
 изначально пропитана ложью.
 Лишь святая Любовь
 нас способна очистить от Тьмы
 И наполнить весь мир
 предназначенным
 Промыслом Божиим.

Для чего, протопоп,
 я никак не пойму, хоть убей,
 Вместе с Никоном вы
 непотребно затеяли смуту,
 Чтобы сильная Русь
 стала в распрях намного слабей?
 От большого ума?
 Или выгодно было кому-то?

Друг на друга по-зверски
 обрушившись яростью всей,
 Обернулись хотя б
 перед тем, как порушите братство.
 Вон – на вашу вражду
 самодержец Руси Алексей,
 Глаз прищуря, глядит
 с затаённо довольным злорадством.

Никон – главный раскольник,
 нещадно поправший закон!
 Он бесчинства творил,
 учинял и враньё, и интриги.
 Ковырял с наслаждением
 глаза у старинных икон
 И сжигал без зазрения
 старопечатные Книги.

Да, из Никона дурь
 так и хлещет наружу!
 Бог с ней!

Он на самом краю
 у бездонной
 губительной кручи.

Ну а ты-то чего? –
 ты ж его многократно умней!

А от Господа всяк
 по заслугам достойно получит!

Вот бы с Никоном вам
 не блажить, удила закусив,
 Не блудить в словесах
 и не слать друг на друга проклятья,
 А смиренно и кротко
 молитву во славу Руси
 Сообща сотворить
 как Христовым
 и истинным братьям.

Эх, как много могли б
 благодатного сделать вдвоём!
 И тогда б на Руси
 не случилось такого разброда.
 Только каждый из вас
 твердолоб в исступленье своём,
 В заблужденье вводя
 превеликую уйму народа.

Непотребство в речах
 развели –
 хоть святых выноси.

А словесный разврат –
 то занятые духовно убого.

Хоть почётно порой
 страстотерпцами быть на Руси,
 Да не всякие страсти
 бывают ниспосланы Богом.

Если вместо мостов
 возводить меж людьми частокол,
 Если души питать
 ненасытной и бешеной злобой,
 То проляжет бедой
 это страшное слово – раскол.

Что, Аввакум, молчишь,
 опровергнуть
 хоть что-то попробуй...

Вон солома торчит
 во включённой твоей бороде.

Ты готов умереть
 ради веры и ради идеи.

Для одних ты – герой,
 для других – непокорный злодей.

А ведь было не раз,
 что в героях ходили злодеи.

Не судья я тебе,
 но твоё беззаконие в том,
 Что дорогою в ад
 оказались стремленья благие.

А проклятый раскол
 повторить возжелают потом

Уж другие Аввакумы,
 Иконы тоже другие.

Протопопы иные
 нещадно разрубят страну,
 Раскромсают народ
 безраздельно
 на белых и красных.

И развяжут в стране
 непотребно лихую войну.

Брат на брата пойдёт,
 убивая друг друга напрасно.

4.
 Вот теперь испытай
 на себе, «аз истошно воззвах»,
 С дымом вдосталь хлебни
 беспощадный огонь очищенья.

Даже малых детей
 жгли нещадно в таёжных скитах –
 Деток малых,
 ты слышишь?! –
 и с вашего всё наущенья.

И ещё я спрошу
 откровенно и прямо, прости:
 Вы по зову души
 иль по сути своей изуверы?
 Если весь свой народ
 ради веры вконец извести,
 Кто ж тогда понесёт
 по земле православную веру?!

Через кровь и огонь
 по колено, не глядячи, вброд...
 Из какой же, скажи,
 вы тогда живодёрской породы?
 Если прямо, вперёд
 на погибель ведёте народ,
 То страшнее, чем вы,
 не найдётся врагов у народа.

Всё, Аввакум, пора,
 вот он, час твой последний пришёл.

Ждёт народ от тебя,
 что ты скажешь ему в назиданье.

И покайся не словом –
 покайся своею душой,
 Ведь нельзя умирать
 православному без покаянья.

Что молчишь, протопоп? –
 смерть однажды приходит всерьёз.

Что глядишь на толпу,
 распахнув воспалённые веки?
 Над своей головой
 исступленно двуперстие вознёс:
 – Все молитесь вот так!
 И спасение будет веками!

Ты и Никон – два камня,
и время – одно на двоих.
Но от вашей грызни
Русь потом отрезвеет не скоро.
А в Писании как? –
«По плодам их узнаете их».

И плоды ваши в том,
что вы стали
камнями раздора.

Что ж, Аввакум, прощай,
скоро факелом сам полыхнёшь.

Ветер пепел развеет
по тундре печорской далече.

И на целых три века
пребудут гоненья и ложь,
И виною всё вы –
потрясений кровавых предтечи!..

5.

Вы нещадны в словах,
но я тоже не в силах молчать,
Если вижу на чьих-то
бессовестно «праведных» рожах

Так знакомую ныне
раскола лихую печать,

Ту, что сутью своей
на клеймо от Иуды похожа...

ПРИМЕЧАНИЯ

Аввакум (в старой традиции и у старообрядцев ударение на втором слоге) Петров – протопоп, противник церковной реформы патриарха Никона XVII века, духовный писатель. Казнён властями в Пустозёрске 14 апреля 1682 года. Вместе со священником Лазарем, дьяконом Федором и иноком Епифанием сожжён в срубе.

Никон (мирское имя Никита Минин (Минов) – московский патриарх, взявший себе титул «Божиею милостию великий господин и государь, архиепископ царствующаго града Москвы и всеа великия и малыя и белыя Росии и всеа северныя страны и помориа и многих государств Патриарх», также и титул Великого Государя. В 1666 году поместным судом русской Церкви был низвержен и как простой монах сослан в Ферапонтов Белозёрский, а затем в более строгий Кирилло-Белозерский монастырь. В 1681 году ему было разрешено вернуться в Воскресенский Новоиерусалимский монастырь. По пути, уже тяжело больной, он скончался 17 августа того же года.

Раскол – противостояние сторонников реформ патриарха Никона и его противников. Страшным последствием раскола явились гари – массовые самосожжения старообрядцев. На протяжении трёх веков старообрядцы подвергались жесточайшим гонениям. Лишь в XX веке официальная русская православная церковь признала эти гонения ошибочными. 12 января 2013 года в Успенском соборе Московского Кремля по благословению святейшего патриарха Кирилла была совершена первая после раскола литургия по древнему чину.

